Константин Крылов
Рыцарь Русского Ума

12 мая 2020 года на пятьдесят третьем году жизни скончался от инсульта философ, писатель, политик, публицист, без преувеличения – отец-основатель современного русского национализма Константин Анатольевич Крылов (1967–2020).

Болезнь решила не размениваться на периферию, ударив насмерть сразу по главному его органу – мозгу, тем самым как бы подчеркнув, то, что и так было хорошо известно всем, кто был хотя бы немного знаком с ним и его творчеством: Крылов был самым умным русским человеком нашей эпохи. В некоторые моменты мне казалось – самым умным на нашей планете. Обладателем интеллекта невообразимого по ширине, разнообразию творческих потенций, оригинальности идей. Это не значило, конечно, что всегда и во всём он был прав (обладание даже величайшим умом не гарантирует

обладания полнотой истины) – он часто ошибался, иногда очень сильно ошибался. Но главное – этот величайший русский ум современности всегда с удивительной последовательностью был за русских.

Очень трудно отстраненно писать о человеке, с которым связывали четверть века дружбы, сотрудничества, бесконечных душевных бесед, раздражений, обид, примирений, но мемуары я напишу как-нибудь в другом месте, а здесь нужно рассказать о Крылове как о важной фигуре в истории русской мысли и политики.

Он родился в 1967 году в Москве. Его мать Валентина Ивановна работала на довольно высокой должности в Первом главном управлении КГБ СССР (внешняя разведка) и занималась разработкой аналитических систем раннего предупреждения о возможном нападении. Эта психологическая установка – раннее распознавание угрозы и предотвращение её, восприятие мира под углом возможной опасности для твоего народа, доминировало в Крылове от начала и до конца. Он и сам успел какое-то время поучиться на разведчика и послужить, но этот период был крайне непродолжителен, так как советская разведка рухнула вместе с системой.

Крылов имел два образования – физико-математическое, с уклоном в последнее (Московский инженерно-физический институт – МИФИ), и философское (философский факультет Московского государственного университета – МГУ). Однако исключительно масштабный аналитический ум, умение классифицировать явления, выявлять их метафизическую сторону, были лишь частью его личности. Это был человек ренессансного масштаба талантов – великолепно рисовал, музицировал, писал стихи, был исключительно талантливым писателем.

Литература, изумительное творчество писателя-фантаста Михаила Харитонова (литературный псевдоним К. Крылова), в последние годы его под себя подминала, что давало несколько более широкое социальное признание (в России

государство и часть общества, увы, недолюбливают мыслителей-интеллектуалов и для того, чтобы позволить им жить, вынуждают их притворяться «писателями»). Человек это был жизнелюбивый, необузданный, брызжуще яркий, и, в то же время, с огромной внутренней дисциплиной и цельностью.

Как я уже сказал – его ум, начитанность, продуманность мнений были таковы, что оставалось только восхищаться теми возможностями, которыми, оказывается, может обладать интеллект, выросший в русской среде, на книгах на русском языке, напитанный русской культурой и русскими мыслями. Приходило в голову стихотворение Вячеслава Иванова, самим Крыловым очень любимое:

Своеначальный, жадный ум, –
Как пламень, русский ум опасен:
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он – и так угрюм.

Самой странной, непривычной и, чего уж там, для меня лично дискомфортной чертой Крылова было его вероисповедание. Оказавшись в 1992 году в Средней Азии, он каким-то образом познакомился с тамошними беженцами из Ирана и принял маздеизм (зороастризм). В преимущественно православной или, на худой конец, обиженной на Православие, среде русской мысли он, поэтому, всегда был немного «белой вороной». Наши споры о религии с ним продолжались часами и никогда ни к чему не приводили.

Однако и это экзотичное вероисповедание было напрямую следствием особенностей его интеллекта. Оно позволяло Крылову оставаться очень рациональным и четко заточенным на то, чтобы всегда и во всем видеть врага во всех его проявлениях. Врага не как внутреннего искусителя, что характерно для христианского вероучения, а как внешнюю безжалостную силу, с которой не договоришься. А мир, как действие,

как благость, как красоту он воспринимал не столько как повод для радости и благодарности, сколько как оружие, направленное Творцом против Врага.

Со временем этот дуализм начал играть с интеллектом Крылова дурные шутки, но для становления русского национализма в конце 1990-х и 2000-х гг. роль особенностей его мышления была исключительной: *Крылов учил русских ненавидеть врагов.*

Наше христианское сознание учит нас любви, пониманию, прощению по отношению к своим личным врагам и, к сожалению, это настроение невольно перехлестывает и в общественную жизнь. Мы стали не «прощать» зло, а его забывать, не помнить, даже не осознавать сделанное против нас зло в качестве такового. Вопреки тому, чему учил святой Филарет Московский: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша», мы начинали гнушаться собой, бить ближних – своих же собратьев русских, любить врагов отечества и лебезить перед врагами Божьими. Русское национальное самосознание, порой даже у патриотов, дошло до точки мазохистского самоунижения, «самокозления» (как выражался Крылов).

Тогда-то и раздался сперва негромкий, доходивший только до ограниченных интеллектуальных аудиторий, затем всё более мощный голос философа. Небольшая лекция «Традиция и познание», опубликованная в журнале «Волшебная Гора» (1997, вып. VI, стр. 394–403), стала своего рода философской революцией в истории нового русского национализма.

«Мы тут в России доблажились. До того, что нас просто затоптали. Мы улыбались в ответ на плюхи, и теперь нам ломают ребра. Над нами – без большого труда – взяла верх Нерусь и Нежить. Да в том-то и весь секрет. Русский такой – он зла не помнит. Не то чтобы даже прощает зло (прощение – действие сознательное), а вот именно что не помнит. И ежели гадить ему понемножечку, каждый раз помалу, то обобрать его можно полностью и целиком, – а потом-то можно будет

уже и оттянуться и покуражиться, благо “уже не встанет”. Ну а ежели встанет и опять как-нибудь выберется – тоже не страшно. Память-то коротенькая. Всё простит и забудет на радостях. Потому, соответственно, всё и можно. Традиционализм – это, скажем так, нечто противоположное такому вот « “без памяти прощенью”. *Традиция – это Память, и – прежде всего – память о содеянном против нас зле*».

Крылов проговаривал для оформшмаченного ельцинизмом (и зачуханного мнениями и требованиями «мирового сообщества») разрозненного «российского» социума очень важные мысли: у русских есть враги, они нас ненавидят, ненавидят они нас не «за то, что мы им сделали что-то плохое», а просто так, в может быть и за то, что мы сделали им что-то хорошее, или просто за то, что мы хорошие. Мы не должны извиняться за своё существование, не должны выпрашивать извинений за действительные и мнимые вины, мы должны быть собой, делать то, что должны делать, помнить зло, воздавать за него, а главное – не позволять творить с собой зло в дальнейшем.

«Память – это всегда память о зле, совершенном над нами, память о нашем поражении, о потерях и утратах. Иначе она не нужна и бессмысленна. Благо, которое есть, присутствует. Его не вспоминают, им обладают. Если его нет, оно было утрачено, и память – это память о том, что было утрачено и как оно было утрачено. Но Благо – это не событие. Память о самом Благе почти невозможна. Оно или есть, или нет. Нас соединяет с ним только память о его утрате, и отказ от этой памяти есть отказ от нашей единственной связи с ним, связи, которая – одна! – поддерживает в нас дух. Эта связь слаба, а желание забыть почти всесильно, на это есть тысячи причин, – ну хотя бы потому, что воспоминания о гибели Блага невыносимы. Но если их не останется, не останется даже тени надежды. Забвение Зла – это смерть сущности. Тот, кто забыл о причиненном ему зле, тем самым согласился с ним, одобрил и принял Зло, то есть сам его совершил и стал его частью.

Добро нужно помнить и чтить, как велят нам чувства чести и благодарность. Зло нужно помнить вечно, всегда, даже если все наши чувства и порывы противятся этому. Ибо только память о совершенном Зле может остановить его бесконечное повторение. Не нужно помнить о добре, чтобы творить добро. Но необходимо помнить о Зле, чтобы противостоять ему. На этом простом соображении основаны онтология, гносеология и этика традиции».

Этот принцип превенции зла, предотвращения зла, и зла вообще, и зла конкретно-исторического, направленного на нас, русских, является центральным в крыловской философии. Именно ему посвящена, прежде всего, его главная и пророческая книга – «Поведение», которая, со временем, я уверен, будет признана одним из величайших вкладов в историю философской мысли как удивительная по яркости работа в области формальной этики и социальной философии.

К сожалению, философом в современной России считается почти исключительно специалист по истории философии, работающий либо в вузе, либо в научно-исследовательском институте (НИИ). Хотя на деле специалист по истории философии является философом редко, потому, что его задача анализ идей, а не их производство. И способность производить философские идеи тут скорее мешает, так как вместо Г. Гегеля или Л. Шестова ты начнешь излагать себя.

«Историком философии» Константин Крылов не был, хотя у него есть блистательные работы в этой области: об Александре Зиновьеве, неоконченная – об Иване Ильине. Но в целом академическая история философии не была его преимущественной сферой занятий. В вузы его изредка звали, но настолько ненастойчиво, что нужно было очень хотеть стать рядовым, без кандидатской степени, преподавателем вуза, чтобы на эти призывы откликнуться. Несколько раз ему пытались организовать диссертацию, но опять же это требовало

таких сверхусилий при неочевидности цели, что упрекать его, что он не бегал за этим призраком, как щенок, – глупо.

Итак, Крылов не был ни историком философии, ни работником философских учреждений. Следует ли из этого, что он не был философом? Нет, не следует.

Вопрос этот может быть разрешен в двух отношениях. Отношение первое – совершенно очевидное. Был ли философом Сократ? Был ли философом Ницше? Был ли философом Розанов? Был ли философом Ортега-и-Гассет? Если вы говорите «да», но, при этом, отказываете в звании философа Крылову, то глаза ваши бесстыжие. Если вы признаете хотя бы одного из вышеназванных крупным философом, но отрицаете такой масштаб за Крыловым, то это говорит о вашей нечуткости к тому, что есть философия. То есть если говорить о неклассическом типе философствования, то разговор вообще лишен смысла. Крылов очевидно крупнейший русский неклассический неакадемический русский философ конца XX начала XXI века.

Однако Крылов является одной из крупнейших фигур и в классической русской философии, поскольку сделал вещь, которую делали в мировой философии считанные единицы, а в России не делал никто – создал *систему формальной этики*. Это вещь, сопоставимая по уровню только с «Критикой практического разума» И. Канта и «Теорией справедливости» Д. Ролза. Я уверен, что со временем принципы системы Крылова так же лягут в основание социальной практики в России, как и принципы системы Ролза лежат в основании социальной практики Запада. Несомненно, что они будут изучаться не только в университетах, но и в школах на уроках обществознания.

Формальная этика – крайне непопулярна, поскольку всем людям, включая философам, чтобы почувствовать себя хорошими людьми, хочется в этике разобраться с ценностями. Однако после Канта отрицать важность формальных этических норм и логических конструкций не приходится. Тем

более это не приходится делать после Д. Ролза, чья «теория справедливости», основанная на ряде формалистических допущений (если не сказать, в некоторых случаях, жульничеств) при этом лежит в основе социальной и гуманитарной политики большинства современных стран Запада. То есть формальная этика может иметь колоссальное ценностное и политическое влияние.

Константин Анатольевич Крылов был единственным известным мне русским философом, который построил строгую абсолютно формальную и логически неопровержимую систему этики, которой возможные варианты морального или аморального поведения человека фактически исчерпываются. Сделано это в небольшой и лаконичной, как всё великое, работе «Поведение»*.

Содержание этой книги довольно просто – оно состоит в утверждении, что отношения человека и общества описываются четырьмя формальными логическими уравнениями, выражающими соотношение того, что должен делать или не делать человек, реагируя на то, что делают или не делают по отношению к нему другие люди. Этими четырьмя уравнениями описываются четыре этические системы (ЭС), каждая из которых может быть сведена к простому «золотому правилу», не требующему математических формул.

Первая этическая система. Я должен вести себя по отношению к другим так, как они ведут себя по отношению ко мне.

Вторая этическая система. Я не должен вести себя по отношению к другим так, как они не ведут себя по отношению ко мне.

Третья этическая система. Другие должны вести себя по отношению ко мне так, как я веду себя по отношению к другим.

---

* См.: *Крылов, К.А., Крылова, В.И.* Поведение. – М.: Педагогический поиск, 1997. Книга практически недоступна в печатном виде, но широко доступна в интернете. Готовится переиздание. – *Прим. автора.*

Четвёртая этическая система. Другие не должны вести себя по отношению ко мне так, как я не веду себя по отношению к другим.

То, что совершенно шокирует любого ознакомившегося с формулировками и характеристиками этих этических систем, – это их абсолютная работоспособность в сочетании с логической полнотой. Действительно, большинство ситуаций и поведенческих моделей описывается именно этими формулами. Мы имеем дело с тем, что логически предсказанное, дедуктивно выведенное совпадает с реальностью.

Теория логически выведенных этических систем – это абсолютное достижение в мировой философии, достигнутое нашим соотечественником и современником, которого мы имели честь и удовольствие знать.

Далее: Крылов сделал следующий шаг в этике, который вывел его ещё дальше, подведя к тем вещам, о которых в этике почти никто не задумывается. А именно он создал концепцию этического *полюдья*, радикально отличающегося от морального долга. Он предположил, что идеальная этическая парадигма в поведении большинства людей отличается от реальных этических императивов, но подчиняется, при этом, их редуцированной форме. Сущность «полюдья» в том, что двусторонняя обусловленность, равновесность этической формулы заменяется односторонней формулой.

Полюдье, первая ЭС: Делай то же, что и все.

Полюдье, вторая ЭС: Не делай того, что другие не делают.

Полюдье, третья ЭС: Все должны делать то, что делаю я.

Полюдье, четвёртая ЭС: Никто не должен делать того, чего не делаю я.

Хотя в основе социальных систем и цивилизаций лежат полные этические системы, правилом практической жизни, а тем более – массового поведения, гораздо чаще оказывается полюдье.

Открытие полюдья как самостоятельного феномена в этике – это коперникианская революция в моральной философии

и в исследовании человеческого поведения. Суть её состоит в том, что люди поступают в реальной жизни не по морали, но и не против морали, а по сокращенной, редуцированной версии морали, по усеченной этике, в которой нравственное правило упрощено до лозунга-поговорки.

Открытие это одновременно произвели два человека: Светлана Лурье в этнологии (концепция эрзац-этического сознания) и Константин Крылов в философии (концепция полюдья). Но открытия в философии в таком случае, безусловно, более фундаментальны, так как описывают самые общие аспекты реальности.

Кроме того, Крылов указывает на ещё три логически возможные формулы поведения, которые очевидно деструктивны для социума:

– *аморальность* и *асоциальность*: я буду делать то, что я делаю, а другие пусть делают то, что они делают;
– *паразитизм*: я не буду делать другим того, что они делают мне;
– *насилие, варварство:* я буду делать другим то, чего другие не делают мне.

В последних двух случаях схема Крылова имеет, на мой взгляд, некоторое упущение, связанное с его достаточно специфическим восприятием мира, характерным для зороастрийца и человека, чуждого христианской культуре: неравновесные отношения он воспринимает как априори негативные, в его системе немыслимы поступки формата одностороннего отказа от зла и одностороннего оказания благодеяний. Пробел для нашего мира, где бескорыстное добро практически отсутствует, – небольшой, но существенный.

Особенно сильное впечатление производит схема Крылова, когда из этической философии она превращается в историософию и в простой, интуитивно понятной форме представляет всемирную историю и современный мир как систему взаимоотношений четырех цивилизационных блоков, определяемых одной из этических систем. Первая

система – *Юг*, мир архаики и современного ислама. Вторая система – *Восток*, мир развитых восточных цивилизаций, следующих золотому этическому правилу. Третья система – *Запад*, мир европейской и американской цивилизации индивидуализма и открытых возможностей. И, наконец, Четвёртая система – *Север*, лишь намечающаяся цивилизационная реальность, основанная на недопущении и ограничении зла, на индивидуалистически заточенном противостоянии беспределу. Крылов выступил продолжателем русской традиции цивилизационного мышления, восходящей к Н.Я. Данилевскому, и дал свой, весьма оригинальный и продуктивный вариант, в котором соединил дедуктивный логический анализ и остроумную историческую физиогномику, приправленную порой изрядной долей злости.

Юг. «Возьмем, к примеру, такую вещь, как “национальная солидарность” у каких-нибудь горских народностей. Каждый из них по отдельности достаточно слаб и труслив. Но если их много, их поведение меняется. Они становятся беспредельно наглыми, а страх куда-то отступает. Если их надо запугать, их придется запугивать сразу всех вместе. Это тяжело, поскольку каждый из них следит за реакцией других и никогда не покажет первым, что он испугался. По идее, первым должен продемонстрировать новое поведение лидер группы: если удается повлиять на него, это автоматически влияет на всех, они теряют уверенность в себе и начинают нервничать, а то и откровенно трусить. Другое дело, что лидер старается держаться до последнего, поскольку такие эпизоды подрывают его авторитет, то есть право принимать самостоятельные решения и быть образцом для подражания.

Такие люди очень часто кажутся честными, верными своему слову. Это действительно так: они честны и верны слову, но вполне могут нарушить любые клятвы и даже не вспоминать о них, если только они это сделают коллективно, все вместе. Они стыдятся только друг друга, больше никого, индивидуальной совести у них нет, и если они все вместе (всем

коллективом) решат кого-то предать, чего-то не сделать и вообще совершить любую подлость, они это сделают, и никакие угрызения совести их не будут беспокоить…

Справедливым кажется воздаяние за зло, равное количеству зла, а понятие добра требует нанесения даже большего ущерба противнику. (Например, в отместку за кражу хочется убить, за убийство – истребить всю семью и т.п.) Заметим, что ничего «эгоистического» в таких желаниях нет. Это именно следствие представлений о добре и справедливости, не более того. Очень часто месть превращается в опасное и дорогостоящее занятие, требующее огромных затрат сил и времени. В фольклоре народов, живущих по Первой этической системе, всегда имеются истории о великих мстителях, потративших на это занятие всю жизнь и жестоко страдавших при этом».

Восток. «Культура такого общества является консервативной (то есть подавляющей свои возможности ради сохранения традиции). При этом традиционность такого общества только нарастает с течением времени, поскольку сфера допустимого поведения неуклонно сужается… Общества, основанные на Второй этической системе, не являются совершенно неизменными: если их предоставить самим себе, они медленно коллапсируют, схлопываются, ставя всё более жесткие рамки человеческому поведению.

Довольно интересным явлением в сжимающихся обществах является распространенность лицемерия. Постоянному сжатию сферы допустимого поведения противостоит “суровая правда жизни”: людям часто приходится делать вещи, выходящие за (всё время сужающиеся) рамки общепринятого. Это провоцирует то, что можно назвать “эффектом айсберга”: некоторые способы поведения в обществе реально остаются, но как бы “уходят под воду”: о них становится не принято говорить, их надлежит прятать, скрывать от посторонних глаз. В результате сильно сжавшиеся общества действительно становятся похожими на айсберг: на первый

взгляд, в обществе существует всего несколько допустимых моделей поведения (верхушка айсберга), на самом же деле их гораздо больше.

Это проявляется даже в мелочах. Например, внешнее поведение людей, принявших Вторую этическую систему, с нашей точки зрения кажется неискренним. Это знаменитое "восточное лицемерие" кажется нам признаком аморальности. На самом деле оно продиктовано как раз нормами морали. Идеалом внешнего поведения и хороших манер становится, таким образом, бесстрастие (или демонстративная вежливость). Это показное бесстрастие – аналог бездействия как идеала поведения. Внешне этот идеал выглядит так: всегда ровный голос, неподвижное лицо, легкая улыбка. Так, проявление сильных эмоций с точки зрения человека Второй этической системы – признак неуважения к собеседнику, то есть аморальности или слабости.

То же самое можно сказать и о знаменитой восточной скрытности. Если идеальное поведение сводится к полному бездействию, то социально приемлемым компромиссом можно считать показное бездействие, то есть сокрытие своих действий от других… На самом деле никакой восточной лени в природе не существует: есть желание завуалировать свои дела…»

Запад. «Либеральное общество можно назвать расширяющимся, или инфляционным… Как консервативное общество (восточное) нельзя именовать закрытым, а только сжимающимся, так и либеральное (западное) общество не является открытым, а только расширяющимся…

Вначале это приводит к быстрому росту возможностей общества. Появляются новые модели поведения, а значит – новые моды, новые занятия, новые профессии, новые изобретения и открытия. Новшество, развитие, прогресс – все эти понятия могут считаться хорошими только в либеральных обществах. При этом изначальная "зажатость" общества, суженность сферы допустимого в нём является скорее плюсом.

Открывающееся общество успевает достичь больших успехов во всех сферах жизни, а остатки былых запретов и ограничений делают жизнь в данной обществе относительно приемлемой… Неограниченное расширение сферы допустимого приводит к тому, что "можно" становится практически всё. Общество всё более снисходительно относится к вызывающему, опасному, а потом уже и преступному поведению. Предоставленное само себе, оно может просто "взорваться"…

Если Восток скрытен и лицемерен, то Запад можно определить как демонстративную цивилизацию. Такие явления, как мода, реклама и т.п., могли появиться только на Западе. Особенно же интересным является следующее: как на Востоке принято нечто делать, но скрывать это, так на Западе в порядке вещей как раз противоположное. Западный человек постоянно демонстрирует множество ложных или даже, так сказать, технически невозможных, типов поведения, которые на самом деле не реализует. Это касается всех областей жизни, но в целом каждый стремится изобразить из себя более интересного (на худой конец более оригинального) человека, нежели чем он является на самом деле.

Это вызвано очень простым обстоятельством. Существуют модели поведения, с виду вполне возможные и даже в чём-то привлекательные, но на деле нереализуемые. Есть вещи, которые можно изобразить, но не реализовать на самом деле. Речь не идет о каких-то физических или интеллектуальных подвигах. Но для нормального человека практически невозможно, например, всё время быть в хорошем настроении и искренне радоваться обществу окружающих (хотя со стороны такое поведение кажется вполне возможным). Тем не менее такое поведение можно изображать. Это не является подобием восточного лицемерия: восточный человек скрывает те чувства, которые у него (на самом деле) есть, а западный, наоборот, изображает те, которых у него (на самом деле) нет…

Если окончательная форма политического устройства, которую выработал Восток – это великие централизованные империи, то окончательная форма политического устройства Запада – отнюдь не “национальные государства”, как это иногда представляют, а то, что называется “мировой системой” или “новым мировым порядком”. Становление и развитие национальных государств было только одной из стадий его возникновения…

Складывающийся сейчас западный “новый мировой порядок” возникает… не путем “объединения сверху” некоего множества, а путем растворения границ элементов этого множества; не путем введения новых, дополнительных порядков и законов, а путем уничтожения и отмены старых…

Наилучшим примером реализации идеологии “нового мирового порядка” может послужить процесс объединения Европы. Он начался не с создания неких “всеевропейских органов власти” и постепенного расширения их полномочий. Напротив, он начался с отмены некоторых законов, касающихся границ государств, таможенных правил, ограничений на перевозки товаров, и т.п. Все наднациональные органы управления в Европе слабы и ещё долго останутся таковыми. Зато процесс размывания границ между государствами идет достаточно быстро. Введение общеевропейской валюты, европейского гражданства и т.п. является не началом, а результатом этих процессов.

Восточные деспотические империи стремились объединить земли вокруг центра. Западные государства не пытаются делать ничего подобного: напротив, они стремятся растворить в “общем море” все границы и пределы. На Востоке централизованная власть появляется первой и начинает постепенно распространять своё могущество, присоединяя к себе всё больше и больше земель, территорий, людей. На Западе единая централизованная власть может появиться только в последний момент, после «растворения». Это процесс,

идущий не сверху, а снизу – не введение дополнительных ограничений, а отмена существующих.

Не следует думать, что подобный процесс может проходить полностью безболезненно. На Востоке окраины расширяющихся империй воевали за свою независимость, поскольку империи угрожали их свободе. На Западе люди сопротивляются логике "нового мирового порядка" потому, что он угрожает их идентичности.

Человек (равно как и народ) не может быть всем и принять всё. В этом смысле "новый мировой порядок", размывая все и всяческие ограничения, может стать в конечном итоге столь же малопривлекательным, как и самое жесткое подавление личности и народа.

Идеал "нового мирового порядка"… это не "государство Земля", а Земля без государств, без границ, с минимумом явной централизованной власти. Это прежде всего единый мировой рынок, законы функционирования которого поставлены выше любых государственных законов. Это, во-вторых, единая юридическая система, гарантирующая права рыночных субъектов. И только в-третьих это единая (но не обязательно централизованная) власть над планетой, впрочем, весьма ограниченная и имеющая не слишком большие полномочия. Скорее всего, это будет некий аморфный конгломерат различных международных организаций, поддерживающий некоторый минимальный порядок, но прежде всего не допускающий появления сколько-нибудь жестких центров власти и влияния, то есть поддерживающий мир в растворенном, "ликвидном" состоянии».

Столь же развернутой характеристики цивилизации **Севера** К. Крылов не дал, ограничившись предположением, что советская система была периодом ограничения моделей, заимствованных у чужих систем, полюдьем Четвёртой этической системы, базирующимся на принципе «зависти». Постепенно из полюдья и его преодоления, предполагал Крылов, выкристаллизуется полноценная цивилизация, основанная

на Четвёртой этической системе и её принципах: «Пусть все, но не я»; «Не позволяй другим того (по отношению к себе), чего ты себе не позволяешь (считаешь невозможным) делать сам (по отношению к ним)»; «Не позволяй – ни себе, ни другим (по отношению к себе) делать то, что ненавидишь в себе и в других».

Финальным аккордом, которым К. Крылов сразил своих читателей, было введение в русскую историю XX века 12-летних циклов – в них описывалось «отыгрывание» в рамках зарождающейся новой цивилизации более ранних этических систем. Каждый «отыгрыш» проходит три этапа: харизматический подъём, период бури и натиска; расцвет и стабилизация; стагнация и поиск выхода. При наложении на реальную советскую историю этот цикл шокировал своей точностью: 1917–1929–1941–1953 – время Юга; 1953–1965–1977–1989 – время Востока; 1989–2001–2013–2025 – время Запада.

Напомню читателю, что книга вышла в 1997 году, когда ни поворот 2000–2001-го гг., ни потрясения 2011–2012 годов невозможно было даже помыслить. Внезапный перелом «по Крылову» в 2001 году заставил скептиков признать, что эта математическая концепция имеет потрясающую предсказательную силу. Столь же малопрогнозируемый перелом 2014 года (от расцвета российского капитализма к острому конфликту с «новым мировым порядком», к отстраиванию русской цивилизационной и геополитической позиции по принципу «пусть все, но не я») вынудил перестать сомневаться даже закоренелых скептиков. В 2020–2021 годах мы уже ощущаем первые толчки того разрыва России с Западом и оформления собственного Севера, которые следуют из скорее мистически уловленного, чем собственно вычисленного «цикла Крылова».

Концепция «Северной этики» оказалась своего рода самосбывающимся пророчеством. Довольно большое число людей, что особенно важно – мужчин, начали пестовать в себе северного человека, практиковать принцип «где сядешь –

там слезешь», воспринимая его как часть личной и национальной этики. «Контрсуггестия», – как выразился высоко ценимый Крыловым Б.Ф. Поршнев, стала важной чертой нового русского психологического уклада. Если северная цивилизация действительно реализуется в истории, то именно Крылов окажется не только в роли предсказателя, но и в роли воспитателя на её первых шагах. Кажется, это и называется в светском смысле «пророком».

Понятно, что идея Севера, к тому же являющегося столь популярной в кругах философов-традиционалистов мифологемой (и одновременно символом), не могла не возбудить пророческих мечтаний о грядущем месте России в мире. Подлинный русский национализм может покоиться лишь на двух равновеликих идеях – внешнем и внутреннем суверенитете русской нации и внешнем и внутреннем суверенитете русской цивилизации. Без утверждения русской самобытности мечта о русской самостоятельности стоит не дорого.

Отношение К. Крылова к Западу было двойственным. Он его ненавидел и презирал как извращение человеческого духа, что особенно ярко выразилось в одном из самых злых его текстов – антиутопии «Новый мировой порядок». В то же время – он восхищался эффективностью Запада и никогда не считал, что мы сможем превозмочь «их» только потому, что мы духовнее. Мы должны быть умнее, жестче, безжалостней, эффективней, чем они.

Как националистический публицист Крылов, порой, уклонялся, преимущественно под внешними влияниями, в сторону переоценки национального суверенитета, трактуя его в чисто западническом ключе. Однако идея Севера, логика Четвёртой этической системы, сформулированная Крыловым столь ярко, давала установку на необходимость утверждения суверенности и самобытности русской цивилизации.

Важной идеей Крылова, органично вытекавшей из его мировоззрения, было понимание того, что наряду с нормальной этикой в человеческих обществах существует и ненормальная:

«я буду делать другим то, чего они мне не делают» (с отрицательным знаком, – положительного варианта он, увы, не хотел видеть). Это этика варварства (есть ещё близкая к ней этика паразитизма). Та последовательность, с которой он указывал на существование у цивилизации *системных врагов*, а не только «недоразвитых» или «инакоживущих», была просто поразительна.

Варварство. «Народы-диаспоры образуют нечто вроде промежуточной зоны между цивилизацией и её противоположностью, то есть чисто паразитические сообщества, использующие для достижения своих целей насилие и обман. Такого рода сообщества мы будем именовать варварскими, а соответствующее поведение – варварством.

Мы… полагаем, что варварство тесно связано с цивилизацией, и даже (в некотором смысле) порождается ею. Более того, варварство – вторичное (по отношению к цивилизации) явление. Кроме того, варварство вполне способно стать одной из основных исторических сил достаточно близкого будущего – и такой шанс ему предоставляет именно наступление мировой цивилизации. Варварские сообщества следуют «антиэтическим» законам зла. В подавляющем большинстве случаев речь идет о насилии: “Я буду вести себя по отношению к другими так, как они не ведут себя по отношению ко мне (не могут или не хотят). Я буду делать с другими то, чего они со мной не делают (не могут или не хотят)”.

Говоря попросту, варвары – это люди, существующие за счёт того, что они могут доставить другим неприятности. Цивилизации приходится непрерывно откупаться от них, поскольку это обычно (в каждый данный момент) кажется более простым и дешевым выходом из положения.

Варварство является принципиальной позицией. Жить за счет насилия для настоящего варвара – это нечто достойное восхищения, предмет гордости, этическая ценность. Такое отношение к жизни в среде этих сообществ разделяют все, а не только те, кто реально смог стать разбойником или

убийцей. Например, любая женщина из такого сообщества гордится, что её муж и сыновья убивают людей и приносят домой добычу, и презирает их, если они кормят семью за счёт честного заработка…

Внутренняя структура варварского сообщества (прежде всего система управления, то есть власть) держится за счет ресурсов и средств, предоставляемых цивилизацией. Обычно варварская правящая верхушка распоряжается техническими или идеологическими ресурсами, созданными цивилизацией и принципиально недоступными для изготовления или создания в само́м варварском обществе… Настоящее варварство начинается там, где все ходят с дубинами, но вождь и его охрана носят стальное оружие (которого данный варварский народ делать не умеет), а ещё лучше – ходят с автоматами и гранатометами. Первый и главный признак развитого варварства – это использование властью (и прежде всего властью) технических средств (особенно оружия) и идеологии, произведенных в цивилизованном обществе, причём таких, которых сами варвары не способны изготовить и тем более изобрести. Наиболее характерное внешнее проявление варварства – нарочито примитивные и дикие нравы в сочетании с развитой чужой (купленной, краденой или отнятой) материальной культурой… Варварство выживает, борясь с цивилизацией средствами самой цивилизации.

Всё сказанное заставляет сделать вывод о том, что варварские культуры преступны. Так оно и есть. Варварство отличается от обычной преступности только своими масштабами. Разумеется, делишки воровских шаек или мафиози не идут ни в какое сравнение с целыми варварскими «республиками», «независимыми государствами» и т. п., но суть их деятельности та же самая.

Особый интерес представляет своеобразная красота варварства – и, соответственно, периодически вспыхивающее восхищение части цивилизованных людей варварами. Ответ довольно прост: варварство стремится выглядеть

привлекательным; это часть его политики мимикрии. Нигде не уделяется столько внимания бытовой эстетике, сколько у варваров, а их вожди обычно прямо-таки утопают в экзотической роскоши».

Всё это было написано тогда, когда радикальное движение «Талибан» едва не взяло Кабул, а Шамиль Басаев со всей «Ичкерией» не вылезал из эфиров либеральных российских телеканалов, но до «подвигов» «Аль-Каеды» и, уж тем более, до феномена ИГИЛ* оставались ещё многие годы.

Крылов направил на варварство интеллектуальный ланцет столь же острый, какой Шафаревич нацелил на «малый народ». Его ненависть к варварству и паразитизму, воплощавшим его историческим силам, явлениям, этносам, была беспощадной и в эпоху закручивания гаек в отношении русского национализма закономерно довела до приговора по 282-й статье Уголовного кодекса (УК) РФ в 2012 году.

Этот приговор за призыв «покончить со странной экономической моделью», выражавшейся в усиленном кормлении некоторых регионов только на том основании, что они способны причинить всей остальной России неприятности, доставил Крылову немало неудобств, связанных с тем, что его, в отличие от всевозможных варваров, включили в списки экстремистов и лишили даже права иметь собственную кредитную карточку, не говоря уж о возможности отдохнуть не на «Кавказских минеральных водах».

Социальная стигматизация, причиненная этим приговором, была той цикутой, которая медленно его убивала и убила. Россия расправилась со своим Сократом. Впрочем, народ русский к этому совершенно не был причастен, деяние было совершено одной лишь властью и на ней одной, а не на народе, пятно позора за этот приговор.

---

* Все упомянутые в абзаце террористические организации запрещены в Российской Федерации. – *Прим. ред.*

Одна из самых злых политических книг К. Крылова называлась «Прогнать чертей» и была посвящена всей той бесовне, которая сидит на шее у русского народа и стремится его громить и гнобить. Освободить русских, чтобы русская нация смогла возвратить себе Россию; не позволить заменить нас ни завезенными ради экономии копеечки ордами, ни безликими ушлыми «россиянами».

Один из первых знаменитых его текстов «Россияне и русские» и создал эту знаменитую оппозицию, в известном смысле не допустив нашего перекрещивания ельцинскими подручными, сформировав массовое негативное восприятие зачинаемого «ребятами демократами» нового этноса*.

«Свойственное “демократам” отношение к русскому народу с этих позиций легко объяснимо: это обыкновенная ксенофобия, свойственная молодым самоутверждающимся нациям. Точно так же объяснимо плохо скрываемое (а часто и демонстративное) отвращение “демократов” к России и её истории: это не их история. По сути дела, “демократы” *пытаются освоить для себя и своих потомков территорию, населенную аборигенами.* Разумеется, “поселенцы” не хотят и не могут вписываться в общество аборигенов, да оно и не могло бы их принять. С точки зрения россиян, современная Россия представляет из себя нечто подобное “дикому Западу” для американских колонистов: это территория, подлежащая освоению. Оккупантами россияне себя при этом не считают, и не потому, что они “родились здесь” (и, в самом деле, россияне автохтонны), но потому, что они a priori отказывают существующим на данной территории социальным структурам (в частности, русскому государству) в легитимности: с точки зрения россиян, их деятельность – это скорее колонизация и окультуривание, нежели оккупация…

* *Крылов, Константин.* Россияне и русские. К постановке проблемы // URL: https://traditio.wiki/krylov/rossian.html

Трудность положения россиян в России состоит в том, что (постулируемое россиянами) культурное превосходство над аборигенами, без которого схема колонизации новых территорий работает плохо, на самом деле отсутствует. Русское общество отнюдь не является примитивным. Россияне попали в ситуацию, аналогичную не столько освоению американских прерий, сколько двусмысленному положению европейцев в Китае, где стандартная схема колонизации забуксовала из-за того, что местная культура была достаточно сложной и развитой. Поэтому перед россиянами встала дополнительная задача деструкции сложных культурных форм русской жизни…»

Деятельность Крылова как русского националиста была посвящена именно идее национального освобождения русских как в политическом, так и в ментальном смысле. Разумеется, эта деятельность встречалась со многими препонами, которые, пожалуй, увеличивались из-за его личностной черты – он никогда не стеснялся в публичных и публицистических выражениях в отношении кого бы то ни было, иногда просто увлекался «красным словцом», хотя в личном общении, напротив, был подчеркнуто доброжелателен, любезен и отзывчив. Но с трибуны, в газете, в редких выступлениях на телевидении (ТВ), резал, как ножом, и это многократно увеличивало сопротивление системы.

Однако он никогда не был, прежде всего, уличным бойцом или политическим полемистом. Крылов всегда оставался теоретиком и генерировал вокруг себя мощное интеллектуальное поле. Так, он сформулировал одну из лучших и наиболее оригинальных в мировой историографии теорию нации.

«В дальнейшем мы будем рассматривать “народ” как совокупность людей, конкурирующую с другими народами (другими такими же совокупностями людей) в Большом времени – т.е. как субъект конфликта, протекающего в Большом времени…

Конкурентные процессы в больших временных масштабах вполне наблюдаемы. Соответственно, “народы” можно определить в качестве субъектов этих процессов, т.е. как макроконкурентные группы. Слово “макро” здесь обозначает не столько численность нации (бывают и очень малые народы), сколько масштаб процессов, в которые они вовлечены. Даже небольшая группа людей, принимающая самостоятельное участие в глобальных процессах, есть полноценный народ.

Народ, “просто живущий” на какой-то территории – и, может быть, весьма успешный по меркам Большого времени – может никак не проявлять себя во времени “малом”. Например, земледельцы, живущие в какой-то местности, могут столетиями страдать от набегов кочевников, которые нападают на их селения, грабят, жгут, насилуют, уничтожают урожай и т.д. При этом земледельцы могут относиться к кочевникам как к стихийному бедствию, с которым “ничего не поделаешь”. Может показаться, что земледельцы смирились с ситуацией. Однако в масштабах Большого времени они активно теснят кочевников: рождаемость среди земледельцев выше, пастбища постепенно распахиваются под пашни и т.д.

Но бывают ситуации, когда действий в Большом времени оказывается недостаточно. Например, те же кочевники могут причинять слишком значительный вред: народ просто не успевает восстановиться, восполнить нанесенный ущерб. В таком случае у него есть альтернатива: постепенно сдавать позиции в Большом времени или начать отстаивать себя в “малом времени” – например, создавая оборонительную систему, окружая себя рвами и частоколами, организуя боевые дружины и т.д. Все эти мероприятия – громоздкие и затратные – возможны, однако, только в том случае, когда жители начинают осознавать себя именно в качестве нации. Такое осознание не дается сразу: требуется определенный уровень понимания ситуации, достижимый далеко не всегда

и не во всех случаях. Но если уж он достигнут, народ начинает совершать поступки, нужные не только и не столько конкретным людям, сколько народу в целом.

Обычно подобная мобилизация наблюдается в критических ситуациях – например, во время войны. Однако есть способы сделать её постоянным фоном существования народа, озаботить народ задачами глобальной конкуренции.

Совокупность этих способов, приводящих к постоянной мобилизации народа, и есть национализм. И любой народ, активно заботящийся о собственном будущем (т.е. соразмеряющий свои действия с Большим временем), уже можно считать "нацией".

Основная тема националистической мысли такова: что мы можем сделать сейчас, чтобы наш народ (пусть даже в лице наших отдаленных потомков) выиграл в глобальной игре, ведущейся в Большом времени? В таком случае национализм можно определить как доктрину, которая утверждает, что макроконкурентная группа должна иметь возможность принимать участие в микроконкурентных процессах, прежде всего в текущей политике. Национализм проецирует отношения, имеющие место быть в Большом времени, на "малое", "человеческое" время. Нация начинается там, где думают глобально (или о глобальном, "на столетия"), а действуют локально (здесь и сейчас, но имея в виду дальние цели).

Тут становятся возможными националистические фигуры речи – например, ходовое "без собственной национальной государственности мы не можем надеяться на сохранение генофонда, языка и культуры нашего народа". Здесь утверждается прямая зависимость процессов, происходящих в Большом времени (например, "сохранение генофонда"), от текущих процессов "малого времени" (обретение "национальной государственности" здесь и сейчас), а сама проекция осуществляется через поле политического дискурса.

Существует ли всё же разница между “нацией” и “этносом”? Опять же – да. Как правило, статус “этносов” получают группы, которые не были уничтожены или ассимилированы самоутверждающейся нацией, но которые не удалось сразу переварить, и с ними пришлось налаживать отношения, а следовательно, “давать им место” и как-то осмысливать их существование. На положение “этносов” также низводятся проигравшие нации, утратившие свои трофеи, но ещё способные отстаивать своё существование. Собственно, если “нация” определяет себя как “господствующую”, то “этнос” – это оппозиционная структура по отношению к “нации”: он не столько утверждает свои долговременные интересы в “малом времени”, сколько защищается от чужого самоутверждения. Обычная мечта любого “этноса” – чтобы его оставили наконец в покое»*.

Константин Крылов сделал, как никто, много для становления в России умного, интеллектуального, «злого» национализма, не сводящегося только к просьбе, чтобы нас оставили в покое, но мобилизующего русских на обсуждение своего будущего и параметров нашей конкурентной борьбы с теми, кто хотел бы нас из истории вытеснить, получив наше место и ресурсы. Его национализм был заточен и против тех этнических групп в России, которые намеревались эксплуатировать русских и выдавливать их отовсюду; и против завозной вытесняющей массы; и против идеологов либерального разложения, тех, кто внушал русским установку на то, чтобы мы убили себя.

С годами Крылов всё больше сосредотачивался на критике российской власти, как той силы, которая могла бы содействовать национальной мобилизации русских, но на деле всеми мерами препятствовала ей. Печальная хроника этих препятствований власти слишком хорошо известна и имя

* *Крылов, Константин.* Нация как субъект конфликта // Вопросы национализма. – 2010. – № 3.

самого Крылова в качестве жертвы в ней появляется не на одной странице. Но всё-таки, на мой взгляд, Крылов слишком увлекался обличением и даже поношением порой физиологически ненавистного ему «начальства», пренебрегая (или жертвуя) доступными для него возможностями долгосрочного воздействия на положение в общественном сознании и рычагами завоевания интеллектуальной гегемонии.

Отчасти он оказался в средóвой ловушке: основной его референтной группой были обращающиеся к русскому национализму молодые интеллектуалы, в которых ещё слишком много было родовых пятен «российской интеллигенции» – в частности, пламенная антигосударственность. Государственничество же, напротив, соотносилось с антиинтеллектуализмом. Чтобы быть для этой группы интеллектуалов «своим», Крылову постоянно приходилось подчеркивать свою оппозиционность в куда большей степени, чем это было бы прагматически полезно для стратегии русского национализма.

В целом «начальство» двигалось с определенной задержкой в том направлении, которое показывал Крылов, но его лично рассматривало уже однозначно негативно. Это снова и снова толкало его на самоубийственные атаки революционизма, которые вновь и вновь успеха не приносили. А для большой стратегии «пережить их всех, не мараясь сотрудничеством», Крылову банально не хватило времени жизни.

Деятельность К. Крылова на ниве русского национализма была огромной и бурной. На многих этапах мне посчастливилось выступать с ним единым фронтом, а то и «спина к спине». Книги и статьи, сайты «Доктрина.Ру» и «Традиция»; участие в младоконсервативном политическом движении и в сдвинувшим некоторые оси нашего политического самосознания докладе «Контрреформация», основная концепция которого принадлежит именно ему; легендарный в начале 2000-х еженедельник «Спецназ России»; газета «Консерватор»; правозащитное «Русское общественное Движение» (РОД), созданное вместе с Натальей Холмогоровой; журнал «Вопросы

национализма», ставший на несколько лет главным теоретическим органом русского национализма, хотя и с несколько национал-либеральным уклоном; так, увы, и не зарегистрированная «Национально-Демократическая Партия» («НДП»).

Я, поначалу, недоумевал: зачем ему понадобилось в тот момент, когда наконец-то ценители его литературного, прежде всего, творчества обеспечили ему неплохие деньги, вбухать их значительную часть на создание и финансирование заведомо безнадежного в смысле регистрации партийного мероприятия? С годами я понял – «НДП» стала точкой сборки для многих молодых интеллектуалов-националистов, дала им возможность ощутить своё неодиночество и двигаться дальше по этому русскому пути. И регистрация или нерегистрация тут, в конечном счете, была вторична.

Не все из этих «птенцов гнезда Крылова» оказались равноценны, но это уж как везде. Самое важное своё испытание «НДП» прошла в 2014 году, когда безоговорочно поддержала Русскую Весну – активисты «НДП» отправились сражаться на Донбасс, рекой потекла помощь, побывал и выступил в Донецке и сам К. Крылов. В отличие от некоторых других русских националистов, внезапно начавших «заукраинствовать», Крылов был предельно четким. Безупречное «чувство врага» его не подвело и на этот раз.

Ту программу, которую Крылов предлагал для России, он выразил в замечательной брошюре «17 ответов», вошедшей, в том числе, и в составленную академическими исследователями антологию «Национализм. Pro et Contra» как характерный образец современного этапа русской националистической мысли (см. ниже).

Каким образом русские националисты собираются заниматься сбережением нации?

«Сбережение народа» – лозунг, выдвинутый впервые Солженицыным. Он подразумевает физическое, экономическое, культурное и национальное возрождение русских.

Начнем с самого простого, демографического аспекта. Численность русских стремительно сокращается. Основная причина – сверхсмертность, особенно мужская, не имеющая аналогов в современном мире (включая развивающиеся страны). Простой перечень уже известных причин сверхсмертности занял бы несколько десятков страниц убористого текста. Начать пришлось бы с актов геноцида (например, на Кавказе), а закончить – например, обсуждением химического состава содержимого пивных и водочных бутылок (которые содержат не только алкоголь, но и просто различные яды).

Но всё это разнообразие причин укладывается в одну парадигму: практически в каждом конкретном случае мы видим либо попустительство государства, либо его прямое поощрение тех или иных, губительных для русских, мер и действий. Фактически можно говорить о политике русоцида, истребления русских как народа.

Я сейчас не буду обсуждать вопрос о степени осмысленности и целенаправленности этой политики. Достаточно обозначить главное: прекращение русоцида во всех формах является первоочередной задачей русского национального государства. Без этого все остальные меры – типа «повышения рождаемости» и т. п. – не будут иметь никакого смысла…

Русские националисты способствуют сбережению русского народа уже сейчас. Хотя бы тем, что именно русские националисты сейчас являются единственными строителями гражданского общества в России. Именно русские националисты помогают людям защищать себя в опасных ситуациях столкновения с антирусскими силами (в том числе государственными), организуют их и направляют их усилия в конструктивное русло. Так, в последние годы развивается русская правозащита, причём каждый успех в этом направлении оказывает оздоровляющее моральное влияние на множество людей и служит примером обществу в целом – точно так же, как каждая неудача, каждый акт несправедливости

по отношению к любому русскому человеку оказывает негативное влияние на общество в целом…

Я уже не говорю о том, что само сообщество русских националистов является более здоровым, – биологически и морально – чем русское общество в среднем… Русский националист понимает, зачем живет. Вокруг него – не черная дыра, а родная земля, которую он должен вернуть себе и завещать потомкам. Он знает, что его жизнь имеет ценность, его усилия не тщетны, а враги, хотя и сильны, но всё-таки не всесильны. У него есть за что уважать себя – в сегодняшней ситуации само участие в русском движении является достаточным поводом если не для гордости, то для самоуважения. Возможно, ему не хватает уверенности и он не всегда понимает, что делать – но, по крайней мере, у него есть ориентиры.

Что именно хотят построить в России русские националисты в случае прихода к власти?

Русское национальное государство… Русское государство будет строиться по принципу «никогда больше». То есть: все его институты должны работать на то, что завоеванные русскими права и свободы не могли бы быть у них отняты снова, чтобы никогда больше не повторился русоцид…*

Разумеется, в крыловских национал-демократических построениях было много наивного. Например, популярная среди национал-демократов идея о том, что раз русских в стране большинство, то национальные и демократические цели априори совпадают. Это не так. Нация, как прекрасно показал сам же Крылов в теоретических работах, это холистическая целостность, действующая в большом времени. Современная демократия же обращается к гражданину как к индивиду, действующему в своих частных интересах.

* *Крылов, К.А.* 17 ответов на вопросы русским националистам // Национализм: pro et contra. – СПб: РХГА, 2017. – С. 696–724.

Национальная рамка – общность языка, ценностей, традиций, культуры, психологии, создает возможность демократического процесса. Но сам демократический процесс направлен на разделяющие нацию, агрегированно-частные ценности партий. Нация как целостность оказывается в демократическом обществе политической сиротой и постепенно размывается до полного обрушения. Если же какие-то партии, обычно правые, ставят во главу угла национальное начало, то оно становится предметом политической дискуссии и борьбы. Да и национальное, как показывает история, защищается уже не в рамках демократических, а в рамках политических принципов.

Можно предположить, что в теории опорой национальной демократии должен быть индивид с воспитанной в нём ясно выраженной национальной идентичностью. Будучи сам национален, он как избиратель и политик попросту не сможет действовать против национальных интересов. Но в этом тоже есть элемент наивности. Национальное, как и любая другая ценность, может подвергаться разными русскими националистами разной интерпретации. К примеру, мы с Крыловым оба русские националисты, в целом единомышленники, постоянно сотрудничали, однако наши взгляды на значение православной традиции в русской национальной жизни расходились диаметрально. Причём если бы большинство избирателей приняли точку зрения одного из нас – другой, наверняка, никогда бы её не принял даже в этом случае.

При этом та или иная точка зрения, являющаяся в долгосрочных последствиях антинациональной, может разделяться большинством избирателей, даже если все они принадлежат к одной нации. То есть нация через демократические механизмы может навредить сама себе. Разумеется, это возможно и в случае злонамеренной автократии, и уж тем более олигархии. И демократия, выражающая общее согласие с правлением, это весьма добротный предохранитель. Но не более чем предохранитель. Рассчитывать на то, что правление

большинства, если оно принадлежит к одной нации, окажется тем самым национальным, было крайне наивно.

Не случайно оказалось, что все старые демократические национальные государства, включая такие подчеркнуто этнократические как Ирландия, подорвали собственные нации, иногда, как во Франции или США до состояния, близкого к аннигиляции. Такие демократические нации как венгры или поляки, для которых самосохранение стоит на первом месте, всё дальше отворачивают от чистой демократии (где на смену националистам завтра могут прийти антинационалисты) в сторону выраженного национал-авторитаризма. Демократическая Нация-Суверен подтачивает себя как холистическую Нацию-Этнос. Чтобы сохранять себя как нацию, она должна быть выше своей демократии и своего «народного суверенитета».

Но всё это мысли и сомнения с дальним прицелом. Чтобы их высказывать, сначала нужно было проговорить базовые принципы русской национальной демократической политики, – а Крылов умел четко проговаривать то, что надо проговорить, и артикулировать то, что надо артикулировать, как никто другой. Его национальное чувство самосохранения, в любом случае, было выше любых сомнений. Он всегда и во всём был за русских и никогда не ставил выше русских никаких других лояльностей, доктрин и принципов.

В последние годы в К. Крылове, конечно, стали нарастать определенное разочарование и усталость, связанные как с полной бесперспективностью любых политических усилий, так и со сдающим здоровьем. «Розановские» провокативно-негативистские нотки в его голосе стали звучать всё чаще.

Здесь выявилась та самая проблема, которая изначально была заложена в его дуалистическом мировоззрении. Он всё время смотрел злу в лицо, ходил слишком близко от Анра-Манью*, при этом не отдавая себе в полной мере отчета

* В зороастризме – бог тьмы, первоисточник зла. – *Прим. ред.*

в том, что злое начало может находиться не только вовне, но и нашептывать изнутри (это первое, что узнает человек из православной аскетики). Совершенно дикие внутренние импульсы он, по возможности, сублимировал в отвратительной глумливой поэзии от имени «Юдика Шермана», но в какой-то момент этот абсорбент, видимо, переставал справляться с «сублимированием» и ко мне обращались возмущенные знакомые: «Ну как такое можно писать?»

Я утешал их: мол, Крылов, написавший то, что он уже написал, может дальше писать почти всё угодно. А сам Крылов (в этом заключался своего рода компромисс) всё больше начал превращаться в Михаила Харитонова – великолепного писателя-фантаста, чей парадоксальный талант не могли не признавать даже враги (и это обеспечивало ему хотя бы пятачок пространства для социального признания и востребованности).

В 1999 году в разгар натовских бомбардировок Сербии он написал язвительный фантастический рассказ «Всегда Coca Cola», посвященный тому, как в будущем Соединенные Штаты превратят гуманитарные бомбардировки в шоу-бизнес. И подписал его «Михаил Харитонов». С этого момента и начался удивительный путь этого писателя-фантаста, которого из западных коллег я бы сравнил, пожалуй, с Филиппом Диком. Пугающие антиутопии, саркастическая конспирология, безжалостное вскрытие подноготной всего человеческого, нечеловеческого и недочеловеческого. Всё это собрано в двухтомнике, который выпустило в 2010 году издательство «Владимир Даль».

Затем последовал законченный и ждущий публикации роман «Факап», по сути перезагрузивший и отменивший «вселенную» братьев Стругацких. Удивительное сочетание классической фантастики, производственного романа об управленцах среднего звена, дневника «маленького человека», выполненного в лучших традициях Гоголя и Достоевского, и историософско-религиозного конспирологического

романа. Всё это помножено на «фанфик»*, после которого «оригинал» знаменитых братьев, на мой субъективный взгляд, потерял всякое значение, оставшись лишь расширенным приложением к «харитоновской» фантастической вселенной.

Не законченным осталось, увы, обширное повествование «Золотой ключ, или Похождения Буратины» – «нечеловеческая комедия», как определил её автор. Огромный раблезианский сатирический роман, который, возможно, будет оценен в полной мере лишь через столетия после его написания.

После схода со сцены поколения Солженицына и Шафаревича, Крылов остался крупнейшим национальным умом России. Однако если к А. Солженицыну, Э. Лимонову, А. Дугину, даже к автору этих строк (всегда во многом остававшемуся лишь учеником Крылова) пришло какое-никакое, пусть полуофициальное и застенчивое признание, Крылова официоз продолжал ненавидеть, чураться, игнорировать. И этого разделения государства и виднейшего русского ума уже не исправить, хотя именно оно и подтверждало правоту всех тех злых слов, которые он говорил в адрес нашей власти.

Последнее что я прочел от него в соцсетях – было поздравление православных с запрещенной «по случаю ковида» Пасхой, сопровождавшееся выражением сочувствия большинству и восхищением меньшинством, которое решилось праздновать, несмотря на все запреты. Очень жаль, что ему так и не суждено было прийти к Христу; огромность этого ума местами порождала и огромную слепоту, а жизненной дистанции не хватило, – он ушел непоправимо рано.

Но у Крылова на том Суде будет могущественный заступник, тот, о ком он говорил с уважением и теплотой в течение всей жизни: «Существует только одна историческая фигура, которая является полной и абсолютной противоположностью

* Любительское сочинение, созданное по мотивам известного литературного произведения. – *Прим. ред.*

не то что какому-то “Сталину”, а вообще всей советчине в целом. Это Государь Император Николай Второй, безупречный человек и великий политик, поднявший Россию и русский народ на небывалую высоту – и убитый именно за это». Молитвами святого государя, Господь да помилует этого блистательно умного и рыцарственного человека, сражавшегося всю жизнь за Россию и за русский народ, а значит и за дело Божие.

Нам же остается только оплакивать то, что он ушел от нас так безвременно рано, постигать его творческое наследие, не превращая его в непогрешимый «коран» (как всякий гений с большим размахом мысли он бывал неправ и весьма часто), но не пропуская ни единого из бесчисленных оставленных им мысленных сокровищ.

Произведения Константина Крылова:

1) *Алексеев, М.Ю., Крылов, К.А.* Особенности национального поведения. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001;

2) *Крылов, К.А.* Поведение. – М.: Педагогический поиск, 1997;

3) *Крылов, К.А.* Нет времени. – СПб: Владимир Даль, 2006;

4) *Крылов, К.А.* Прогнать чертей. – М.: Скименъ, 2010;

5) *Крылов, К.А.* Русские вопреки Путину. – М.: Алгоритм, 2012;

6) *Харитонов, М.Ю.* Сочинения в двух томах. – СПб: Владимир Даль, 2010.